

Термин «книга» имеет много значений. Если обратиться к русскому средневековью, то термин этот значил: вообще изображенное графически (книга — в обычном понимании; книги = письмо, частное, напр. Верхуславы к Симону, дипломатическое, напр. Мамая к Димитрию Донскому; книга = буква, примеры из переводных главным образом памятников, см. Материалы для словаря др.-русского языка И. И. Срезневского¹), литературное произведение, писанное или печатное («книга, глаголемая» и т. д., «Книга Александр», т. е. повесть об Александре Македонском), грамотность, образованность («муж благ, книжен и постник», «учен» или «неучен» «книгам») и виды внешнего оформления (свиток, столбец — и кодекс = книга).

В дальнейшем и мы употребим этот термин в разных значениях, но главным образом — в значении литературно оформленных произведений, изображенных греко-славянской графикой (внешняя форма безразлична, но преимущественно — кодекс), и лишь в точно определенных случаях будем разумеать и литературу, не оформленную графически. Мы не преследуем особо четкой раздельности значений термина, ввиду того, что они часто перекрещиваются и сливаются, не вызывая необходимости теоретических разграничений для цели настоящей статьи. Так, например, чтобы показать в области книги социальную борьбу, считаем полезным затронуть и борьбу литературных жанров, стараясь, впрочем, не уклоняться от истории книги в специальные вопросы литературоведения.

Общезвестно, что книга в том организованном виде, какой существует в Европе до сих пор, получена была в России из-за границы. Эта книга была введена путем правительственного соглашения между средиземноморской метрополией и ее колониями на русской территории, в качестве орудия подчинения этих колоний центру, сумевшему стать в положение метрополиси, и в качестве усовершенствованного способа подчинения массы населения русских областей их непосредственным правительствам.

Вводимая для таких целей книга содержала последнее достижение государственной религии рабовладельческого общества; она была книгой усовершенствованной магии, определяющей необходимость рабского смирения и терпеливой невзыскательности, непреложность властительства и

¹ Вопрос о соотношении терминов «буква» и «книги» в юго- и западно-славянской письменности древнего периода до сих пор еще окончательно не выяснен. например, употребление этих терминов в памятниках, посвященных изобретению славянских письмен (Паннонская легенда о Кирилле философе, Проглас Константина Болгарского и др.).